

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach
Wydział Humanistyczny
Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych

OPUSCULA SLAVICA SEDLCENSIA

Tom XIV

Пётр Бицилли: диалог на перекрёстке культур

Монография под редакцией Романа Мниха

Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich
im. Franciszka Karpińskiego

Siedlce 2017

Redaktor:

Dr hab. Roman Mnich (UPH w Siedlcach, Wydział Humanistyczny)

Recenzent:

Prof. dr hab. Nikolaï Rymar

Для оформления обложки использованы материалы электронного издательства LiterNet <<http://litenet.bg>>, Архива и Музея Софийского университета.

Korekta autorska

Redakcja techniczna, skład i łamanie
Roman Bobryk

ISBN 978-83-64884-81-8

- © Copyright by Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny
w Siedlcach
- © Copyright by Authors
- © Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich
im. Franciszka Karpińskiego

Содержание

От редактора книги (<i>Роман Мних</i>)	6
Перекрёстки культур в творчестве Петра Бицилли (<i>Роман Мних</i>)	7
Пётр Бицилли как диалогический мыслитель (<i>Мария Васильева</i>)	39
Профессор Пётр Бицилли в Софийском университете: археологические фрагменты (<i>Галина Петкова</i>)	61
Концепция Средних веков как историко-культурной эпохи в творчестве Петра Бицилли (<i>Людмила Мних</i>)	89
Пётр Бицилли о <i>Месте Лермонтова в истории русской поэзии</i> (<i>Людмила Луцевич</i>)	113
Пётр Бицилли – Янко Янев: возможная встреча (<i>Галина Петкова</i>)	133
Избранная библиография	145
Streszczenie	158
Summary	159

Людмила Луцевич

(Uniwersytet Warszawski, Wydział Lingwistyki Stosowanej, Polska)

Петр Бицилли **о Месте Лермонтова в истории русской поэзии**

1

Научное творчество Петра Михайловича Бицилли (1879-1953) – известного в эмиграции историка, филолога, литературного критика, стало привлекать внимание российских исследователей с середины 1990-х гг., когда было предпринято издание ряда сочинений ученого¹ и соответственно начался процесс его освоения². Поражали огромность и фундаментальность открывающегося наследия и хотелось, чтобы возвращаемый на родину забытый ученый как можно быстрее обрел достойное место, «став в один ряд, - как писала И.В. Анненкова, - с такими титанами отечественной филологии, истории, культурологии, как В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, Л.П. Карсавин и др.»³. Но ничего подобного из желаемого пока не произошло, и не по-

¹ Петр Бицилли: *Элементы средневековой культуры*. Санкт-Петербург 1995; Петр Бицилли: *Избранные труды по филологии*. Москва 1996; Петр Бицилли: *Место Ренессанса в истории культуры*. Санкт-Петербург 1996.

² См.: Андрей Горяинов, Михаил Бирман: *Библиография опубликованных работ П.М. Бицилли и литература о нем, 1912-2003. Труды П.М. Бицилли*, в: Петр Бицилли: *Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад*, сост. Федор Успенский, Москва 2006, с. 732.

³ Ирина Анненкова: *Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли*. Москва 2011, с. 5.

тому, что П.М. Бицилли менее достоин, чем общепризнанные корифеи русской филологии, а скорее потому, что к настоящему времени, несмотря на появившиеся новые книги по осмыслению основных тенденций развития русской науки о литературе⁴ все еще не существует хотя бы относительно полной «современной, освобожденной от идеологического налета *истории русского... литературоведения XX века*»⁵. Как следствие остаются «в несправедливом забвении труды многих ученых», в их числе и «масштабные» исследования Бицлли⁶; «несколько публикаций о нем и его трудов ... оказались ... отдельными мазками на полотне наследия этого выдающегося ученого»⁷.

Огромный архив (27 монографий, сотни статей и рецензий) исследователя не может быть систематизован, описан и тем более осмыслен за короткое время. Историкам русского литературоведения предстоит долгий путь освоения многогранного научного, публицистического и эпистолярного наследия ученого⁸, чья личность и судьба в необходимой степени пока не прояснены⁹, а творчество «представляет собой еще далеко не

⁴ См., например: *Наука о литературе в XX веке* (история, методология, литературный процесс), ред. Алина Ревякина, Москва 2001; Дмитрий Сегал: *Пути и вехи: Русское литературоведение в двадцатом веке*. Москва 2011; Валентин Хализев, Алексей Холиков, Ольга Никандрова: *Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы)*. Санкт-Петербург 2015.

⁵ Валентин Хализев, Алексей Холиков, Ольга Никандрова: Ibidem, с. 4.

⁶ Ibidem, с. 4, 150

⁷ Ирина Анненкова: *Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли*. Москва 2011, с. 5–6.

⁸ Значимой стала академическая публикация: Л.В. Герашко, В.Б. Кудрявцев: *Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома*, в: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 годы. Санкт-Петербург 2009, с. 57–222.

⁹ Михаил Бирман: *П. М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого*, в: Петр Бицилли: *Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад*, Москва 2006, с. 633–720.

изученный интеллектуальный пласт»¹⁰. В сложившейся ситуации плодотворны два тесно взаимосвязанных пути: во-первых, стратегический, направленный на выявление всевозможных документов, касающихся как личности, так и наследия ученого, атрибутация имаксимально полное издание его сочинений; во-вторых, тактический, обусловленный принципами текстологическими, источниковедческими, комментаторскими и проч., направленными на уяснение конкретных текстов и проблем.

2

Следует иметь ввиду, что глубокая увлеченность Бицилли средневековой историей обусловила и сформировала его научные пристрастия как ученого-медиевиста, историка христианского Средневековья. В 1916 г. он опубликовал книгу, посвященную «Хроникам» итальянского монаха-францисканца Салимбене, охватывающим период с 1168 по 1287 гг.¹¹, а в 1917 г. на ее основе защитил в Петроградском университете магистерскую диссертацию. В развернутой рецензии на книгу профессор Иван Михайлович Гревс (1860-1941) - основатель Петербургской школы медиевистики, с удовлетворением отмечал:

Труд П.М. Бицилли – приятное, содержательное, интересное сочинение. В нем многообразно отражается жизнь Италии XIII века в ее различных гранях и преломлениях. Он многое изучил, исходя из штудирования многочисленных и разнообразных памятников эпохи. Он знает много, познакомился

¹⁰ Татьяна Попова: *Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины (К 130-летию со дня рождения П. М. Бицилли)*, в: *Історіографічні дослідження в Україні*. Вип. 20. Одесса 2010, с. 155.

¹¹ Петр Бицилли: *Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века*. Одесса 1916. Это издание представляет собой отдельный оттиск из историко-филологического выпуска «Записок Имп. Новороссийского университета» (прим. авт.).

досконально не с одним своим главным источником. Ученая литература по всем соприкасающимся вопросам ему также очень хорошо известна от классических трудов и старых монографий до последних новинок. Язык автора – живой, часто колоритный, подвижный, но сдержанный, не нарушающий почтения хорошего вкуса и достойного тона. Техника – добросовестна, и аппарат, в общем, аккуратен. Чувствуется, что в авторе живет вдохновение, и он сумел выработать в себе ощущение сложности тех комплексов явлений, которые мы, в совокупности, называем культурой эпохи, и разумеет, как сцепляются одно явление с другим. Ученого специалиста книга П.М. Бицилли натолкнет на многие любопытные и важные добавочные, может быть, пропущенные пункты, если тема и эпоха, избранные им, касаются его интересов, даст повод нечто исправить и пересмотреть, нечто фиксировать вниманием. Начинающего историка, вступающего в изучение эпохи, она введет в историческую среду, куда тянется его мысль, и будет для них полезным путеводителем¹².

Книга молодого ученого представляла собой оригинальный труд о хрониках монаха-хрониста XIII в., а также включала развернутые размышления о его выдающихся соотечественниках – христианском мистике, аббате Иоахиме Флорском, католическом святом Франциске Ассизском, о поэте, мыслителе и богослове Данте Алигьери, многих других деятелях Средневековья, о самой эпохе с ее особой духовностью и характерной социальной психологией и проч. Книга получила высокую оценку научного сообщества, что позволило Бицилли занять место экстраординарного профессора на кафедре всеобщей истории Новороссийского университета. Однако удачно складывающаяся научная и преподавательская карьера ученого вскоре

¹² Ив[ан] Гревс: *Отзыв о книге П.М. Бицилли. Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века)*. Одесса, 1913[6], в: „Средние века” 2014. Вып. 75 (3-4), с. 395-396.

была прервана русскими революционными потрясениями. В 1920 г. Бицилли вместе с семьей эмигрировал. Впоследствии в *Автобиографии* он напишет:

в бурные 1917-1920 годы я был далек от активной политики, не участвуя непосредственно в гражданской войне и не разделяя ее идеологических обоснований, но по своей установке, по своим связям, которые поддерживал, находился в лагере, враждебном октябрьской революции; когда наступил неизбежный крах контрреволюции я покинул Родину¹³.

Оказавшись сначала в Сербии (доцент на кафедре всеобщей истории Скопьенского университета), а затем в Болгарии (заведующий кафедрой всеобщей истории Софийского университета) Бицилли разработал и прочитал около 80 курсов лекций по истории и культуре Европы. Но, кроме трудов собственно исторических, Бицилли, находясь в сложном материальном положении, практически борясь за выживание, вынужден был обращаться к трудам филологическим. И сегодня поражают широта и многообразие интересов ученого: «от истории Древнего Рима и Древней Руси до современной истории и политики, от самых общих философских проблем и теории Евразийства до анализа стиля отдельного художника слова»¹⁴. Вступив на литературоведческую стезю Бицилли выступал как историк и теоретик литературы, литературный критик, эссеист, автор учебных программ и пособий. Из историко-литературных трудов ученого внимание наших современников привлекали в первую очередь

¹³ Цит. по: Мария Васильева: *Бицилли Петр Михайлович*, в: *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции, Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*. Москва 1997, с. 91.

¹⁴ Ирина Анненкова: *Ibidem*, с. 9.

работы, посвященные анализу творчества Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова¹⁵.

Относительно изучения творчества Лермонтова представителями русской эмиграции следует сказать, что в целом оно оказалось на периферии исследований. Конечно, о нем писали – поэты, философы, богословы, литературные критики, историки литературы (среди них - Георгий Адамович, Георгий Иванов, Вячеслав Иванов, Борис Зайцев, Константин Зайцев, Алексей Ремизов, Владимир Ильин, Василий Зеньковский, Николай Туроверов, Иван Тхоржевский, Перикл Ставров, Василий Сумбатов, Иван Лукаш, Константин Мочульский, Георгий Мейер, Владимир Набоков, и др.¹⁶), но писали, как правило, «по случаю» (юбилеи пришлось на трудные 1939 и 1941 гг.) или, что хуже – от случая к случаю. По наблюдениям Михаила Филина, «за годы существования первой эмиграции о Лермонтове было написано и опубликовано ... *чрезвычайно мало*»¹⁷, ни монографий, ни серьезных аналитических статей, подобных тем, что были созданы о Пушкине, Гоголе или Достоевском, не появилось.

Лишь Бицилли выступает в качестве приятного исключения. Его литературоведческие устремления также были направлены на изучение творчества Пушкина, Гоголя, Достоевского, а также Тостого, Чехова, Бунина¹⁸. Но вместе с тем и фигура Лермонтова постоянно находилась в поле внимания ученого.

¹⁵ Мария Васильева: «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли. Автореф.к.ф.н. Москва 2009, с. 6.

¹⁶ См. статьи указанных авторов в сборниках: *Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов*, сост., вст.ст, коммент. Михаила Филина, Москва 1999; *М.Ю. Лермонтов: pro et contra*, сост. Владимир Маркович и др. Санкт-Петербург 2002 (раздел: *Лермонтов в эмиграции*), с. 825-967.

¹⁷ Михаил Филин: *От составителя*, в: *Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов*, с. 7.

¹⁸ См. *Список трудов П. М. Бицилли* в: Ирина Анненкова: *Ibidem*, с. 124-145.

Именно Бицилли опубликовал одну из первых в эмигрантском литературоведении статей о русском поэте – *Место Лермонтова в истории русской поэзии*, вошедшую в книгу *Этюды о русской поэзии*¹⁹. Позже основные тезисы этой статьи ученый использовал для соответствующего очерка на болгарском языке – *Лермонтов. По случай 90 годишнината от смъртта му*²⁰, кроме того, к личности и творчеству поэта он неоднократно обращался в процессе своей педагогической деятельности²¹.

3

Этюды о русской поэзии (1926) - по существу первый объемный литературоведческий труд, где автор объединил три относительно самостоятельные, но тематически связанные между собой статьи: *Эволюция русского стиха*; *Поэзия Пушкина*; *Место Лермонтова в истории русской поэзии*. В каждой статье ученый затронул вопрос о литературной эволюции, и это свидетельствует о его несомненном интересе к этой научной проблеме. М. Васильева обратила внимание на то, что в *Этюдах* сформировался индивидуальный стиль Бицилли-филолога: «экспрессивная „монтажность” подачи мысли у него сочетается с умением видеть целое, парадоксальность суждений с высокой научной культурой, подробность лингвистического анализа

¹⁹ Петр Бицилли, *Этюды о русской поэзии: Эволюция русского стиха. Поэзия Пушкина. Место Лермонтова в истории русской поэзии*, Прага: Пламя, 1926

²⁰ Пётр Бицилли *Лермонтов. По случай 90-годишнината от смъртта му*, Българска мисъл, 1932, т. VII. № 1, с. 8-15. Статья, опубликованная на болгарском языке, по свидетельству Галины Петковой, повторяет тезисы первой статьи. См.: Някои от своите тези Бицили повтаря и в написаната на български език статия, в: Пётр Бицили: *Салимбене и Пушкин*. Редакция и бележки: Галина Петкова. Електронно издателство, Варна: LiterNet, 2004.

²¹ См.: Петр Бицилли. *Краткая история русской литературы: Ч. 2. От Пушкина до нашего времени*. София 1934.

с неожиданными „озарениями” в постижении мировоззрения писателя»²².

В современном бициливедении, как правило, указывается на близость Бицилли к петербургской исторической школе медиевистики (Иван Гревс, Ольга Добиаш-Рождественская, Лев Карсавин, Георгий Федотов, Анна Хоментовская)²³, отмечаются следы влияния Бенедетто Кроче²⁴, Анри Бергсона²⁵, но вовсе не упоминается о глубоком усвоении молодым ученым эволюционистских концепций Николая Ивановича Кареева (1850-1931) и Александра Николаевича Веселовского (1838-1906). А ведь Бицилли, еще будучи гимназистом, изучал древнюю, средневековую и новую историю по учебным книгам Кареева - «строгого эволюциониста», позитивиста и систематика²⁶, а затем, став студентом, штудировал его монографии по проблемам философии истории²⁷ и литературной эволюции²⁸.

²² Мария Васильева: *Путь интуиции*, в: Петр Бицилли: *Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии*, Москва 2000, с. 12.

²³ См.: Борис Каганович: *Петербургская школа медиевистики в конце XIX - начале XX века*. Автореф. дис. канд. истор наук Ленинград 1986; Борис Каганович: *Русские историки Западного Средневековья и Нового времени (Конец XIX - первая половина XX в.)*. Дисс. докт. истор. наук, Санкт-Петербург, 1995; Борис Каганович: *Русские медиевисты первой половины XX века*, Санкт-Петербург 2007; Наталья Ашурова, *Культурно-историческая концепция П.М. Бицилли*. Автореф. дис. канд. истор наук. Томск 2004.

²⁴ Борис Каганович: *П.М. Бицилли как литературовед*, в: „Studia Slavica Hungaria”. Budapest. 1988. № 34, с. 206; Мария Васильева: *Путь интуиции*, с. 12.

²⁵ Мария Васильева: *Ibidem*, с. 10.

²⁶ Николай Кареев: 1) *Учебная книга древней истории*. Санкт-Петербург 1903; 2) *Учебная книга истории Средних веков*. Санкт-Петербург 1905; 3) *Учебная книга Новой истории*. Санкт-Петербург 1906.

²⁷ Николай Кареев: *Основные вопросы философии истории*, 2-е изд., Санкт-Петербург 1887.

²⁸ Николай Кареев: 1) *Что такое история литературы? Несколько слов о литературе и задачи ее истории*. Воронеж 1883; 2) *Литера-*

Стоит отметить и тот факт, что фамилия Н. Кареева упомянута в рецензии профессора И. Гревса на первую книгу Бицилли о Салимбене²⁹.

Обращает на себя внимание и то, что Бицилли скрупулезно овладевал сравнительно-историческим методом и понятиями, связанными с новыми концепциями истории литературы, описанными Веселовским. Именитый академик пояснял:

История литературы, в широком смысле этого слова, -- это история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом. Если, как мне кажется, в истории литературы следует обратить особенное внимание на поэзию, то сравнительный метод откроет ей в этой более тесной сфере совершенно новую задачу -- проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливало всякое предыдущее развитие³⁰.

Веселовский мыслил историю литературы как историю эволюционного развития литературных форм: «известные литературные формы падают, когда возникают другие... Падают и возникают не одни формы, но и поэтические сюжеты и типы»³¹. Его воззрения на ее эволюцию истории литературы формировались на учете исторической перспективы, в которую каждое поколение вносит поправки своего опыта.

Эволюционистские идеи русских ученых казались весьма привлекательными, так давали возможность восстановить

турная эволюции на Западе. Очерки и наброски из теории и истории литературы, с точки зрения неспециалиста, Воронеж, 1886.

²⁹ Ив[ан] Гревс: Ibidem, с. 396.

³⁰ Александр Веселовский: *Историческая поэтика*, Москва 1989, с. 41.

³¹ Ibidem, с. 54.

преемственную связь времен, показать зависимость современности от прошлого; они получили свое преломление в литературоведческих работах Бицилли.

Стоит напомнить, что еще в 80-е гг. XIX в. Н. Кареев, разрабатывая общую теорию исторической эволюции, поставил вопрос о необходимости создания теории собственно самой истории литературы, понимаемой как теория литературной эволюции³². Ученый подробно рассматривал отличия истории литературы от общей истории, указал на различные цели, которые преследуют общий историк (историк-теоретик) и историк литературы относительно художественного текста. По словам Кареева,

для общего историка литературные произведения скорее простые свидетельства о прагматических и культурных фактах социальной или духовной истории, для историка литературы они сами по себе цельные факты; ... общему историку нужно восстановить факт, уяснить его и оценить, историк литературы имеет дело с самим готовым фактом, объясняет его в своем комментарии, оценивает его в своей эстетической критике³³.

Бицилли, обратившись к изучению литературы в начале 20-х гг. XX в. увидел в ней те же цельные факты, которые должны быть рассмотрены с позиций эстетических. В «Этюдах» он отмечал: «историк-палеограф изучает — как общее правило — единственно части, а не целое, которого — с точки зрения эстетической — в „документе“ нет. Эстетическая критика не только должна исходить от целого: целое является ее объектом», «только целое индивидуально; части же суть общее до-

³² См. об этом: Николай Кареев: *Литературная эволюции на Западе; Что такое история литературы?*

³³ Николай Кареев: *Что такое история литературы*, с. 6.

стояние»³⁴. Целое как самостоятельный объект словесной культуры и привлекает ученого. Свой метод в литературоведении он соотносит преимущественно с «эстетической критикой»³⁵ (при том, что категорически не принимает идею *искусства для искусства*).

Следует отметить и тот факт, что Кареев предпринимал попытки создать исследовательскую программу *теории литературной эволюции*, где ведущим системообразующим началом должно было стать «отношение творчества и традиции». Ученый наметил для изучения целую совокупность проблем, связанных с исследованием, с одной стороны, личности творца, с другой, характера его творчества в отношении с традицией. Он считал, что ответ на вопрос: «каковы традиционные элементы литературы»? может быть дан только тогда, когда будет досконально изучено

происхождение этих традиций, — причины их утверждения, — как и почему они изменялись, — влияние на них других традиций, — что заставляло их падать и уступать место другим, — когда, в чем и почему они стесняли творчество, — освобождение творчества от традиций и какое оно было, — органичное или широкое, частное или полное, — что творчество вносило в традиции из жизни, — возникновение новых традиции и т. д. и т. п.³⁶

³⁴ Петр Бицилли: *Этюды о русской поэзии: Эволюция русского стиха. Поэзия Пушкина. Место Лермонтова в истории русской поэзии*, Прага 1926, с. 72.

³⁵ Современная исследовательница считает, что суть бициллиевского литературоведческого подхода наиболее адекватна понятию «эстетико-индивидуализирующий метод», см: Мария Васильева: *Путь интуиции*, с. 11.

³⁶ Цит. по: Алексей Малинов: *Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX — начала XX в.: Пособие к лекциям*. Санкт-Петербург 2008, с. 9-10.

Ряд вопросов, указанных Кареевым, был рассмотрен Бицилли, но не глобально - в масштабе становления и развития русской словесности, как у Кареева, а конкретно – применительно к лермонтовскому творчеству. Его интересовало традиционное и новаторское в наследии русского поэта, природа «влияний», характер творческого развития, общая проблема взаимоотношения творчества и эволюции. В результате он пришел к выводу, что «„Эволюция” и „творчество” не исключают друг друга»³⁷, но само понятие «эволюция» применительно к творчеству сложнее, чем просто преемственность или постепенный переход из одного состояния в другое³⁸.

Этюд *Место Лермонтова в истории русской поэзии* вполне оправдывает свое жанровое определение³⁹, поскольку его вполне можно понимать как своего рода набросок, подготовительный материал для постановки и решения целого ряда проблем, среди которых и проблема лермонтовской эволюции. Этюд открывается полемическим замечанием Бицилли по поводу наблюдений Корнея Чуковского, сделанными в работе *Некрасов как художник* (Петербург, 1922), где речь идет о метрическом (трехсложные размеры) новаторстве поэта. Бицилли

³⁷ Петр Бицилли: *Место Лермонтова в истории русской поэзии*. В: М. Ю. Лермонтов: *pro et contra*. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург 2002, с. 838.

³⁸ Эволюционистские идеи Кареева и Веселовского были актуализированы в начале 1920-х гг. его младшими современниками, как в России, так и за ее пределами историками и филологами (Евгений Поливанов занимался проблемами теории эволюции языка; Юрий Тынянов пытался создать концепцию литературной эволюции, которая должна была лечь в основу научной истории литературы). См.: Юрий Тынянов: *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва 1977, с. 509.

³⁹ Этюд (франц. **Etude**) - изучение – «небольшое произведение научного, критического и др. характера, посвященное какому-л<ибо> отдельному вопросу, в: *Современный словарь иностранных слов*, 2-е изд., Москва 1999, с. 728.

считает, что Некрасов ничего нового в русскую метрику не вводил, поскольку все «новшества», отмеченные Чуковским, уже были введены Лермонтовым. И на конкретных примерах обосновывает свою позицию. Начав свою статью с сопоставления двух имен (Лермонтов – Некрасов), далее Бицилли существенно расширяет сопоставительный ряд, вводя фигуры Александра Пушкина, Василия Пушкина, Евгения Боратынского, Байрона, Лафонтена, др. Сравнивая Лермонтова с русскими и европейскими авторами, Бицилли – вольно или невольно – указывает таким образом на ту или иную *традицию* в наследии поэта, но вместе с тем и настойчиво подчеркивает, что лермонтовское подражание/ученичество, сводившееся к «переписыванию», «переделке», «порче» образцов – это всего навсего «младенческие упражнения», которые не стоит приравнять к серьезным «влияниям»⁴⁰.

Любопытно, что Бицилли, кроме сравнительного метода, применил в своей статье метод, близкий к апофатическому, используемый в богословии. Как в апофатике, ученый 1) основывается на осознании ряда относимых к личности Лермонтова предикатов как неточных или ложных («пушкинист», «байронист», «бунтарь», «революционер», «демонист», «мститель», «циник», др.); 2) последовательный отказ от этих предикатов призван привести к пониманию того, чем поэт *не является* («ассимилировать Лермонтова решительно не умел, и ни о каком „байронизме“ Лермонтова не может быть и речи»⁴¹; «Бунт Лермонтова беспредметен, несерьезен, неубедителен»; «Лермонтов усиливался писать и „фривольные“ пьесы эротического содержания в духе шалостей В.Л. Пушкина и самого Пушкина, и у него ничего не выходило»⁴²; «Байрон так же мало помог ему стать

⁴⁰ Петр Бицилли: *Место Лермонтова*, с. 825

⁴¹ Петр Бицилли: *Ibidem*.

⁴² Петр Бицилли: *Ibidem*, с. 826

поэтом, как и В. Л. Пушкин»; 3) последующее погружение в его творчество позволяет выявить истинную позицию поэта относительно «влияний»: «Все чужое от него отскакивает. ... Он никакого движения не продолжает собой и не развивает, ни от кого не исходит, никому ничем в существе дела не обязан, ничего не завершает, а только начинает»⁴³.

Очень существенна для понимания проблемы эволюции одна из центральных сопоставительно-сравнительных параллелей статьи: Лермонтов – Пушкин⁴⁴. Рассматривая литературное наследие этих поэтов, ученый пытается показать различия в поэтическом развитии каждого из них. Творческая эволюция старшего поэта, согласно Бицилли, естественна, последовательна, целенаправлена, Пушкин как раз и проходит т.н. «нормальный путь» развития индивидуальности, наиболее характерный для больших художников. По поводу ранней поэзии Пушкина, ученый замечает: «Пушкин с самого начала владеет стихотворной техникой и пишет стихотворения чрезвычайно удачные. Переход от поэтического детства и отрочества к зрелости совер-

⁴³ Петр Бицилли: Ibidem, с. 827.

⁴⁴ В связи с необычайным явлением Лермонтова у Бицилли возникают очень интересные наблюдения, касающиеся одной из центральных проблем, пророчески поставленных в пушкинской маленькой трагедии *Моцарт и Сальери*, - о судьбе искусства как такового. «Моцарт вознес его на такую высоту, что дальше оно не может развиваться. „Оно падет опять, как он исчезнет“. И, убивая Моцарта, Сальери думает, что спасает искусство. На этот вопрос у Пушкина нет ответа. Сальери по-своему прав: та музыка, которой служил Моцарт, которой служил он сам, после Моцарта уже не могла существовать. Быть может, вопрос, которым терзался Сальери, тревожил и самого Пушкина применительно к русской поэзии и к самому себе. Если бы искусство развивалось в буквальном смысле „эволюционно“, относительная правда Сальери была бы абсолютной. Выход из тупика в том, что искусство не только прогрессирует, но и обновляется». Петр Бицилли: Ibidem, с. 827-828.

шается у него равномерно и незаметно»⁴⁵. Характер поэтического развития поэта в целом – это путь цивилизационного линейного эволюционного прогресса, т.е. постепенного, но неуклонного совершенствования, которое предполагает преимущественно-поступательное движение от низшего к высшему, от простого к сложному и т. д., поэтому, например, в отрочестве (лицейский период) у Пушкина нет, как считает Бицилли, ни абсолютно плохих, ни абсолютно хороших стихов: «эстетическое развитие Пушкина шло все время, не отставая и не забегая вперед, вместе с развитием его души»⁴⁶. На этом пути поэт достигает высшей точки, после чего движение русской поэзии в пушкинском направлении оказывается исчерпанным и в дальнейшем практически невозможным. Ученый убежден:

По дороге Пушкина дальше некуда было идти: поэзии оставалось или погибнуть, или переродиться; и выполнить эту задачу спасения поэзии мог удачнее всего такой гений, который, подобно Лермонтову, был как бы органически неспособен подчиниться чьему бы то ни было воздействию, был как бы предназначен к тому, чтобы возмутить закономерность эволюционного хода развития поэзии⁴⁷.

Каково же поэтическое развитие самого Лермонтова? Почему оно приобретает, по словам Бицилли, «особенный смысл»⁴⁸? Как, благодаря Лермонтову, переродилась и таким образом спаслась русская поэзия?

Рассматривая юношеские стихотворения поэта, ученый называет их «безобразными», они «тяжелы, неуклюжи, часто

⁴⁵ Петр Бицилли: *Салимбене и Пушкин*. Редакция и бележки: Галина Петкова. Электронно издательство, Варна: LiterNet, 2004. Дата открытия 04.09.2014.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Петр Бицилли: *Место Лермонтова*, с. 828.

⁴⁸ Петр Бицилли: Ibidem, с. 825.

необыкновенно неумелы и как-то наивны по фактуре, шершавы, утомительны»⁴⁹. Порой у него даже возникает странное «впечатление, как если бы для Лермонтова всего громадного художественного движения от Ломоносова до Пушкина не существовало, как будто до него никто еще на русском языке не пробовал писать стихи»⁵⁰, но тут же следует парадоксальное заявление: «Между тем, это - иллюзия»⁵¹. Стоит обратить внимание на изменение исследовательского дискурса в зависимости от того, о каком поэте пишет автор. Так, в характеристиках творчества Пушкина Бицилли точен, логичен, ясен, в характеристиках же Лермонтова появляются парадоксы, загадки, противоречия, неожиданные пуанты, последний пример (а он не единственный) как раз свидетельство того. Объяснение кроется в том, что *стихотворчество* юного Лермонтова Бицилли стремится представить как явление первородное, стихийное, вулканоподобное: «Сначала он творит подобно природе, выбрасывающей на свет тысячи и тысячи хилых, уродливых созданий для того, чтобы дать жизнь одному, совершенному»⁵², каковым является, например, *Нищий* (1830). Деятельность начинающего поэта подобна иррациональной мощи природы, она зависит от *неведомых сил*, к ней не применимы какие-либо регулирующие механизмы. Поэтому Лермонтов, согласно Бицилли, не знал традиционного эволюционного движения от простого к сложному, от низшего к высшему, от «ассимиляции извне полученных элементов» к «выработке своего стиля при помощи накопленных предыдущим развитием искусства средств»⁵³. Дело здесь в том, что поэт обладал совершенно осо-

⁴⁹ Петр Бицилли: Салимбене и Пушкин, Ibidem

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Петр Бицилли: *Место Лермонтова*, с. 825.

⁵³ Петр Бицилли: Ibidem.

бым характером творческого дара, в котором изначально было заложено все: «Лермонтов ... как бы родился во всеоружии»⁵⁴, поэтому ему потребовалось время только на то, чтобы «осознать себя самого», понять суть своей творческой природы. Бицилли, вслед за Гегелем, который связал идею исторического прогресса с саморазвивающимся мировым духом, составляющим внутреннюю природу человека, связал природу творческого духа Лермонтова с самоосознанием, что позволило поэту овладеть своим необычным талантом: «Лермонтов прогрессировал только в умении управлять собой, своим вдохновением, своей творческой мощностью», «он выучился обуздывать себя. Выучился благодаря тому, что нашел свою манеру, осознал себя самого»⁵⁵. Воспринимая искусство как средство выражения духовной деятельности, Бицилли видит в Лермонтове создателя новой поэзии именно потому, что он «принес с собой какое-то новое мироощущение, какой-то новый внутренний опыт, как-то по-своему понял и по-своему разрешил трагедию жизни»⁵⁶.

Суждения Бицилли о необходимой закономерности творческого обновления в определенной степени перекликаются с последующими размышлениями Марины Цветаевой, выраженными в статье *Поэты с историей и поэты без истории* (1933), где все поэты делятся на «поэтов с развитием и поэтов без развития»⁵⁷ и где Цветаева, как и Бицилли, обращаясь к сравнению раннего творчества Пушкина и Лермонтова, приходит к близкому заключению:

⁵⁴ Петр Бицилли: Ibidem, с. 827.

⁵⁵ Петр Бицилли: Ibidem, с. 825.

⁵⁶ Петр Бицилли: Ibidem, с. 828.

⁵⁷ Марина Цветаева: *Проза: Автобиографическая проза. Воспоминания о поэтах. Мой Пушкин. Литературно-критические статьи*. Кишинев 1986, с. 432.

Возьмем Пушкина, начавшего с лицейских стихов, и Лермонтова, начавшего с «Паруса». Пушкина в его первых стихах мы совершенно не угадаем, только гений Державина смог в живом лице, в живом голосе и жесте юноши увидеть будущего гения. А в «Парусе» восемнадцатилетнего Лермонтова - уже весь Лермонтов, Лермонтов волнения, обиды, дуэли, смерти. У юного Пушкина не могло быть такого «Паруса» - и вовсе не из-за неразвитости таланта - он был так же одарен, как и Лермонтов. Просто Пушкин, как всякий поэт с историей, как и сама история, начал с самого начала и всю свою жизнь провел *im Werden* (в становлении), а Лермонтов сразу - был. Пушкину, чтобы открыть себя, потребовалось прожить не одну жизнь, а сто. Лермонтову же, чтобы открыть себя, нужно было только родиться⁵⁸.

Закономерен вопрос: применимы ли в таком случае понятия «творческая эволюция», «поэтическое развитие» к Лермонтову?

Согласно Бицилли и Цветаевой, применимы, но только в «особенном», ограниченном понимании - в плане обнаружения своего слова, ритма, «манеры», сама же душа поэта не нуждалась в развитии, поскольку ей изначально дано было знать все. Предназначение Лермонтова – и он его гениально угадал - состояло в том, чтобы наиболее выразительно передать миру не только состояние своей души, но своеобразие мироощущения, «*точку зрения на мир*»⁵⁹. Лермонтов, согласно Бицилли, многосложен: он был способен порой производить «впечатление существа, которое бы глядело на землю с какой-то буквально „межпланетной точки зрения“» или «занимать положение, эксцентрическое по отношению к миру и к самому себе»⁶⁰, но это впечатление поверхностное; более существенно то, что он

⁵⁸ Марина Цветаева: *Ibidem*, с. 439-440.

⁵⁹ Петр Бицилли: *Место Лермонтова*, с. 833.

⁶⁰ *Ibidem*.

обладал «подлинным даром ясновидения, „второго зрения” и мучился «сознанием бессилия» при невозможности выразить в слове адекватно свои экстазы и переживания; он ощущал свой поэтический дар «как муку и как проклятье», и в то же время только в творчестве чувствовал «освобождающую силу»⁶¹. Но главное, по Бицилли, состояло в том, что Лермонтов стал первым в русской поэзии «подлинным представителем и выразителем мистической религиозности»⁶². Новое содержание русской жизни – этот элемент свободы (А. Веселовский), воплотился в новом внутреннем опыте поэта, который, «доведя поэзию до пределов возможного в передаче потустороннего, отвлеченного, надземного ... предопределил дальнейшую эволюцию русской поэзии»⁶³.

В заключение, вернувшись к поэтической эволюции, Бицилли предложил конспективное изложение своих позиций по этой проблеме. Процесс поэтической эволюции, согласно утверждениям ученого, идет как бы в двух эволюционных рядах: один обусловлен преимущественно развитием и изменением формы, другой – духа. Поэтические явления, обусловленные определенными законами и закономерностями языка, формализуются. Взятые в отвлечении от своих конкретно-индивидуальных особенностей, они представляют совокупность общих (близких) черт и свойств, которые в определенной последовательности складываются в некий «эволюционный ряд». Смена тех или иных поэтических явлений в «ряду» являет «закономерность в смысле последовательности раскрытия заложенных в духе и строе русского языка поэтических возможностей»; при этом ученый специально оговаривает: «процесс этого раскрытия завершается не ранее того, как все эти возможности

⁶¹ Ibidem, с. 834.

⁶² Ibidem, с. 836.

⁶³ Ibidem, с. 838

оказываются исчерпанными»⁶⁴, что свидетельствует о поступательном развитии поэзии. Творческая деятельность индивидов, т.е. самих поэтов, по мнению Бицilli, менее формализована. Хотя она и направлена на решение тех или иных поэтических задач, но основное ее устремление состоит в выражении/ воплощении «работы своего духа». Ученый считает, что, если бы даже теоретически возможно было бы изобразить «смену отраженных в величайших образцах русской поэзии мироощущений... в виде эволюционного ряда, то... в получившемся при этом совпадении обоих рядов не было бы ничего, что бы свидетельствовало в пользу теории чистого эволюционизма, т.е. предначертанности и абсолютной закономерности развития русской поэзии»⁶⁵. Не отрицая развития в поэзии в целом, Бицilli делает акцент на его стихийную, творческую непреднамеренность, «скачкообразность». Эту, в целом не очень стройную и достаточно уязвимую рабочую гипотезу эволюционизма ученый выработал, пытаясь определить *место Лермонтова в истории русской поэзии*.

⁶⁴ Ibidem, с. 838.

⁶⁵ Ibidem, с. 839.